

Оксана НАЙЧУК:

ВЕСЬ НАШ НАРОД -
ЭТО ЗАБРОШЕННЫЙ

ДЕТСКИЙ САД

Оксана Найчук пришла на телевидение еще студенткой журфака. Делала свои программы, работала с Листьевым, Сагалаевым, Сорокиной. Но если она и попадала на экран, то обычно со спины — брала интервью. Интонация ее вопросов всегда была так точна, что казалось — журналистке просто везет, люди раскрываются сами, как пещера перед Аладдином.

А с марта на РТР пошла программа «Ищу тебя» (производство телекомпании ВИД), в которой Оксана стала ведущей. Эта передача — ток-шоу в прямом эфире — продолжила традицию нашего классического телевидения, но на новом витке. В телестудию, в ГУМ к фонтану, в зал ожидания Павелецкого вокзала приглашаются люди, разыскивающие потерянных ими близких. Некоторые отыскиваются прямо во время эфира — по телефону. Других приходится искать подолгу.

фончик, в ухо: «Не слишком соперничай! Все нормально». И я начинаю говорить пободрей.

— Я помню, как учитель из Грозного встретился у вас со своим учеником, у которого погибла семья. Мужик был молчаливый, сдержанный, а вы волновались так красноречиво...

— Когда начинали, зрителям даже нравилось, что я такая нетрадиционно-непосредственная. Но этот кредит исчерпан... Почему-то беженцы нам пишут меньше, чем мы предполагали. Может, потому, что это люди неустroенные и не смотрят телевизор в субботу днем. Даже по Великой Отечественной писем больше, до сих пор надеются отыскать пропавших. Сейчас ищу чеха. Женщина была угнана на работу в Германию. Рядом был концлагерь. Она выкрала аусвайсы — немецкие пропуска, спасла чеха и четверых поляков от смерти. Они все бежали в Прагу. А когда наши Прагу освободили, ее насильно интернировали. Она была беременна, чех на вокзале кричал: «Если родится дочка, назови Ларисой». Теперь две Ларисы, мама и дочь, ищут отца. Обратилась я в посольство. Чехи сказали, что у них есть единая база данных по всей стране, все передвижения прослеживаются.

— Нам бы такую базу.

— Какая база! Нам давно пора жить нормально. Уж как давно пора! А все не живем. Сейчас мы сами создаем свою компьютерную базу данных. В нашей команде людей немного, но какие! Каждую историю переживают как свою. Наизнанку выворачиваются, чтобы люди встретились, хотя и наши возможности не безграничны. Когда родители ищут детей — это полный ужас. Не только маленьких — солдаты бегут из армии или пропадают по пути домой после демобилизации. Мы называем это армейской темой.

— На телевидении сегодня почти нет публицистики.

— Мне кажется, Россия такая

страна, где публицистика не может умереть, как и разговоры по душам. Никогда на вопрос: «Как дела?» здесь не станут отвечать: «Все о'кей». А будут рассказывать, как дела.

— Вас двое ведущих — вы и актер Игорь Кваша. Как вы распределяете роли?

— Игорь Владимирович — это мудрость и житейский опыт, а я — журналист — с удовольствием скачу по аудитории. У нас теперь почти 200 зрителей в студии. Я столько всего делала на телевидении — была и режиссером, и корреспондентом, и автором, и редактором. А ведущей — впервые. Мне эта программа, кажется, очень подходит. Вести экономику или политику не могла бы. А здесь не нужно делать выводов, нужно просто уметь расспрашивать людей. Это как раз то, что я, вроде бы, могу делать хорошо.

— Говорят, телевидение сильно меняет тех, кто в нем работает.

— Я работаю уже 12 лет и все беспокоюсь, как бы не обидеть людей. Других опасностей в своей профессии не вижу.

— Близкие вами гордятся?

— Сестра считает талантом. Называет танком в цветочек. Мне это льстит. В работе я могу пробиться, кого хочешь уговорить. А в жизни — одни цветочки, а танка нет.

— Преобразовывать общество не собираетесь?

— Боже упаси! Мне люди на экране интереснее, чем политические новости. Как они живут, как мыслят... Даже если мне нечего им сказать, то есть о чем спросить.

— Если бы сложилось так, что вы бы не работали на телевидении, чем бы занялись?

— Наверное, телевидением... Ну и напрасно вы смеетесь. Нет ничего интереснее на свете. Говорят, что телевидение — наркотик. Я еще не наркоманка, но зависимость уже есть.

Встречалась
Марина ТОПАЗ

— Приезжал к нам один дяденька, он много лет искал сестру. Мы ее нашли, вызвали его на передачу. Зовут его Николай Мардальевич, сидел в эфире с дочерью Дианой, читал свои стихи. А сестра его отказалась приехать, потому что у нее — сенокос и скотина. Я так и объяснила в эфире. Он — мужчина, он может оставить скотину на жену, а сестра не могла. Она позвонила: «Я не знаю чего говорить». Я ей сказала, что тем более не знаю — это вы с ним 35 лет не виделись, а не я.

— Вам, наверное, уже 100 раз говорили: передача похожа на ту, что когда-то вела Валентина Леонтьева — «От всей души»?

— Телевидение такая штука — невозможно выдумать что-то совсем небывалое. Идеи носятся в воздухе. Даже из колонии пришло письмо: «Я такой передачи давно ждал, даже писал Макаревичу, предлагал идею, это не он вам подсказал?» Не мы, так другие предложили бы такую программу. Мы не пишем запросы, на которые можно не ответить, а звоним в архивы по телефону. А если отказывают — находим обходные пути. Нам помогает милиция, дай им Бог здоровья! Святое же дело делаем.

— Хотя ваша конечная цель — телезрелище.

— Это — шоу, но не стыдное и не пошлое. Присутствие аудитории добавляет происходящему оптимизма и куражу — на миру и смерть красна. Даже у тех, кто не нашел своих родных, возникал свет в конце туннеля. Они же видели — мы распутывали очень сложные случаи. Женщин, кстати, искать труднее, они меняют фамилию. Как в воду уходят. Если находим, заранее ничем

людей не пугаем. Скажем, у женщины теперь трое детей. Мы решили: человек ее искал — пусть встретятся, это шанс. Вдруг ее дети не окажутся для него помехой. А если нет — эта страница в их жизни закроется. Во время передачи сперва показали ему видеописьмо, где она говорит: зря он меня искал, я очень изменилась, да и дети... А он смотрит и шепчет: «Не зря». Я как заверещаю: «Не зря?! Так скажите ей об этом сами!» Она стояла за кулисы и слышала — так и вылетела на площадку! Как они обнялись, разлепиться не могли, бедные. Передача закончилась, они так и стоят обнявшись. А поселены в разных гостиницах. Говорят: «Мы не знаем, что нам делать». Ну как дети.

— И что вы им посоветовали?

— Ну, заплатить коридорной... Вообще, программа изменила мое представление о народе. Впечатление, что все нуждаются в опеке. Огромный, брошенный детский сад, а не Россия. Мучаются из-за этого, и все равно остаются детьми. Нас воспринимают как службу — я напишу и мне там сделают. Самому же ответить за свою жизнь, справиться с ней...

— Те, кто справляется, вам не пишет...

— Но у нас в стране и в самом деле — надо друг за друга держаться крепко-крепко, потому что потом не найти. Без нашей передачи уж точно. Мы не просто находим людей — иногда это нетрудно. Мы выступаем посредниками. Устанавливаем связь, помогаем наладить контакт. Это тоже входит в понятие «ищу тебя». Помогаем преодолеть чувство вины. Человек ощущает себя виноватым перед детьми, родителями.

Это такой барьер! Его часто невозможно преодолеть. Страшная проблема.

— Там черт ногу сломит — в этих семейных ситуациях. Наверное, не всегда те, кого вы ищете, так уж счастливы быть найденными?

— Сколько раз — мы находим, а люди встречаться не хотят. Женщина искала своего любимого. Он у нас притча во языцех стал — нам выкатили кучу адресов с его фамилией. Писали, писали — все не те. Наконец нашли того самого. А он ее не вспомнил. «У меня, — говорит, этих девок было...» Мы никого не берем судить. Когда молодая женщина ищет отца своего ребенка, я только молюсь, чтобы не был женат. Иначе вроде бы и должны сообщить ему, что его ищут, но...

— А сами дети ищут своих отцов?

— У нас отдельная почта — дети хотят отыскать родителей. Я думаю, будет и постоянная рубрика — дети ищут родителей. Приютские, беспризорники, безотцовщина. Про детдомовцев сразу понятно — даже если и найдем, толку-то! Если мать его сдала... Иногда находим опустившихся матерей. У нас бывают споры — я говорю: они хотя бы посмотреть на нее должны. Мне возражают: зачем такую видеть... А сколько отцов отказывается встречаться! Но все же таких невстреч гораздо меньше, чем состоявшихся, радостных. Когда во время эфира наши герои начинают плакать — я прямо не могу. Сережа Кушнерев, главный редактор ВИДа, сразу по моему лицу видит, что я сама готова зарыдать, что у меня сейчас будет дрожать голос. И мне в микро-

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

Найчук Оксана

14.11.98